

Предисловие

У этой книжки долгая история. Десять лет назад я пришла к Ирине Антоновне в созданный ею архив Шостаковича, чтобы получить музыкальные права для какого-то своего фильма. Мне было странно с ней разговаривать — ведь Шостакович уже так давно воспринимается как классик, принадлежит вечности, а тут женщина, которая 13 последних лет была его женой, и оттого, что я с ней общаюсь, словно приближаюсь к нему через одно рукопожатие и восстанавливается связь времен. Я как-то сразу поняла, что нужно сделать с ней кино. Она отказалась. Уговаривать было бесполезно, такой у нее характер, я редко встречала более независимого человека.

Но все-таки мы с ней изредка перезванивались. Потом, в 2016 году, я делала фильм с директором Музея изобразительных искусств имени Пушкина Ири-

ной Александровной Антоновой, с которой Ирина Антоновна Шостакович много-много лет дружила. Даже их имена-отчества созвучны. И она пришла в Пушкинский музей на последнюю выставку, подготовленную Антоновой, — “Голоса воображаемого музея Андре Мальро”. И я ей сказала: “Ну вот видите, Ирина Александровна записалась, а вы что?” Она пожала плечами: “Ну что я? Она общественный деятель, ей это важно, а мне зачем?”

Но фильм ее заинтересовал, она приехала на премьеру в Еврейский культурный центр на Никитской, посмотрела, ей понравилось, и уехала. Ну, собственно, на этом история для меня тогда и кончилась.

Прошло много лет, был конец 2020-го или начало 2021 года, коронавирус. Я только что закончила фильм “Мотивы Моисея Береговского”, о собирателе еврейского фольклора в Украине во время Холокоста и после него. В начале 1950-х его арестовали и отправили в ГУЛАГ; после смерти Сталина он вышел по состоянию здоровья. Но у него был запрет на проживание в крупных городах. А они с Шостаковичем учились в одной Петроградской консерватории, и оба в классе композитора Максимилиана Штейнберга. Хотя Шостакович был младше. В общем, как-то они потом общались, переписывались. И Шостакович ему после лагеря, как и многим, помог, добился, чтобы Береговскому разрешили вернуться в Киев. И вот специально для фильма Борис Андрианов сы-

грал на виолончели несколько мелодий из еврейского цикла Шостаковича, хотя в основном там звучала народная музыка, которую собирал Береговский. Я позвонила Ирине Антоновне, попросила разрешение на использование. Естественно, она с ходу сказала: “Конечно, для Береговского все можно”. Мы разговорились, а был разгар ковида, и она говорит: “Вот я сижу дома, скучно очень и помирать пора”. Я ответила: “Погодите помирать, давайте фильм снимем”. И она вдруг: “А давайте”. А я в тот момент уже не надеялась, сказала из вежливости, просто чтобы что-то сказать, когда мне человек произносит такие отчаянные слова. К тому же я тогда работала над фильмом об Андрее Дмитриевиче Сахарове, а Сахаров и Шостакович фигуры такого масштаба, что ими нельзя заниматься параллельно. Мне все вокруг говорили, что я с ума сошла, что Ирина Антоновна человек в возрасте и если выпал такой уникальный шанс, что она согласна говорить, то надо немедленно ее записывать. Но я знала, что если суждено (а видимо, было уже суждено), то все состоится.

И вот в мае 2021 года мы с оператором приехали к ней на дачу в Жуковку. Я думала, что это будет первый день съемок, а потом еще несколько.

Ирина Антоновна сидела в кресле. Она начала говорить. И за этот день — с утра до вечера — рассказала мне свою жизнь и их общую с Шостаковичем. Местами голос ее дрожал, слезы наворачивались

на глаза, она целиком ушла в воспоминания. На меня стали коситься ее домашние, я пыталась ее остановить, чтобы она передохнула, но, по-видимому, ей надо было выговориться. Так получился фильм “Двое. Рассказ жены Шостаковича”, который вышел 5 марта 2022 года — в день смерти Сталина, Прокофьева и Ахматовой и в 80-летнюю годовщину первого исполнения Седьмой симфонии Шостаковича.

Но многое из того нашего разговора с Ириной Антоновной осталось за кадром. В эту книгу вошел ее монолог целиком — рассказ о ее детстве и юности до встречи с Шостаковичем и 13 годах вместе с Шостаковичем. В первую часть я добавила свои комментарии: что тем временем происходило с ним, провела параллели между их жизнями. Поразительно, но тот же каток, который прошелся в конце 1930-х по уже знаменитому композитору, едва не раздавил маленькую девочку. Несмотря на разницу в возрасте, многое в их биографиях совпало. Оба ленинградцы. И трагический русский XX век задел обоих — репрессии, аресты, блокада, война. В рассказе Ирины Антоновны высвечивается эпоха, вернее, несколько эпох. От 1930-х до 1970-х. И, конечно, шестидесятые. Оттепель, так и не ставшая весной, время их встречи и романа.

Мне довелось записывать немало людей, навсегда вошедших в историю культуры. И те из них, кому посчастливилось общаться с Шостаковичем, непре-

менно говорили о нем. Он оставил след в жизни каждого, кто видел его. Многих из них уже нет на этой земле, и потому их свидетельства тем более ценны. Я включила в эту книгу их голоса. Но главный голос, конечно, ее, Ирины Антоновны Шостакович, впервые так полно рассказывающей о времени, о себе и об их общей судьбе.

Елена Якович

Женой Шостаковича я стала летом 1962 года. Много позже я узнала, что в тот день он написал своему другу композитору Виссариону Шебалину: “В моей жизни произошло событие чрезвычайной важности — я женился. Мою жену зовут Ирина Антоновна. У нее имеется один большой недостаток: ей 27 лет”. Этот мой недостаток, в отличие от других, давным-давно прошел. Я сегодняшняя старше Шостаковича на 22 года. Его земная жизнь оборвалась 9 августа 1975 года, когда ему было 68.

Что же сказать о моем поколении? Мы уходим, почти все уже ушли. Мы прожили, в общем, очень мучительную жизнь. Нас воспитывали не родители, а бабушки и дедушки, тети и дяди. И детские дома. Потому что шли аресты и родители были в сталинских лагерях, в ссылках, расстреляны. Потом была война, многие из тех, кого миновали репрессии, погибли.

Жизнь как-то поделилась на время до смерти Сталина и после нее. А моя еще и на до Шостаковича и рядом с ним. Вот уже полвека я живу без него.

Часть первая
До Шостаковича

1. Детство и война

Я родилась 30 ноября 1934 года. А 1 декабря убили Сергея Кирова, тогдашнего главу города. Поэтому все мое детство 30 ноября, в мой день рождения, по Ленинграду развешивали траурные флаги. После войны перестали. Но я с детства знала:

Красные знамена с черною каймой,
Что вы нынче свесились над родной землей?
Что ваш пурпур алый трауром увит?
Говорят знамена: “Киров наш убит”.

Мы тогда все читали книжку про него “Мальчик из Уржума”. И Кирова любили в Ленинграде. Мы не знали, что его убийство станет спусковым крючком сталинских репрессий.

Тем временем Шостаковичу

27 лет, и он играет на рояле отрывок из своей новой оперы “Леди Макбет Мценского уезда” выдающемуся режиссеру Владимиру Немировичу-Данченко, который вместе со Станиславским основал лучший театр страны — Московский художественный, а потом и свой Музыкальный театр. Дело происходит в фойе этого театра. Немирович-Данченко говорит участникам будущего спектакля: “Итак, товарищи, задача нашего театра — развернуть музыку Дмитрия Дмитриевича в такой сценической форме, чтобы глаз видел то, что слышит ухо. И этим путем мы создадим новую оперу и, может быть, надолго создадим себе для нашего театра замечательного гениального музыканта”.

Впервые “Леди Макбет” представили зрителям в родном городе Шостаковича Ленинграде, в Малом оперном театре, бывшем Михайловском, в январе 1934-го. И через два дня в Москве в Музыкальном театре Немировича-Данченко — под названием “Катерина Измайлова”. После ленинградской премьеры маршал Тухачевский сказал дирижеру Самуилу Самосуду: “Эта музыкальная трагедия станет первой советской классической оперой”. После московской Станиславский прислал Немировичу-Данченко телеграмму: “Если он гений, это отрадно!”

Так, чередуя имена, и пойдет сочинение Шостаковича по миру — Нью-Йорк, Лондон, Прага, Сток-

гольм, Цюрих, Буэнос-Айрес... За 1935 год только что созданную оперу молодого композитора поставили на лучших мировых сценах.

Отца вызвали в Большой дом — так в Ленинграде называли здание НКВД на Литейном проспекте; он сказал, что вечером вернется. Но он не вернулся, ему дали политическую 58-ю статью и отправили на Север, в Каргопольлаг. Я его очень любила. Вообще он из Белоруссии, семья его из села под Пинском. Звали его Антон Казимирович Супинский. Моя девичья фамилия — Супинская. Он мне потом рассказывал, что они переселились из Польши при Стефане Батории, когда осваивали эти земли, и те, кто желал, получали мелкое шляхетство и кусок земли. Дома они говорили по-польски — дед требовал; в деревне все вокруг — по-белорусски, ну и русский он выучил. Семья была большая, жили они бедно. Он вспоминал, что пас коз у пана. А потом его старшие братья, которые ходили на заработки, скинулись ему на учебу, он выучился и стал преподавать детям в трехклассной земской школе. Отец попал еще на Первую мировую войну, но ненадолго, потому что началась революция. Он был прапорщик, перешел в Красную армию и уже с красными вошел в Витебск. После Гражданской войны стал там жить и преподавать, руководил бывшей гимназией. Моя